

М.Акиева

12+

Букетно-пистолетный период

Любовь - поле боя

М. Акиева

Букетно-пистолетный период

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683940

SelfPub; 2019

Аннотация

Стихи о взаимных и отвергнутых чувствах. Любовь как высшее благо, как страдание. Стихи о поэтапном переходе от высоких чувств до их угасания. Любовь как высшая ценность людей – ценность, за которую можно и умереть. Лирические герои испытывают внутреннюю борьбу со своими чувствами, эмоциями. Герои обращаются к размытым образам своих возлюбленных, иногда они пытаются достучаться до глубин души любимого человека. Но иногда и они вынуждены отталкивать от себя всех, не в силах больше страдать.

Сборник стихотворений «Букетно-пистолетный период»

ты помнишь, как раньше встречал я рассвет,
перебирая волосы твои цвета ржи?
под симфонию чувств собирала ты яркий букет,
чтоб на нашу могилу я его возложил.

что спрятано было за печально-осенним взором?
что скрывалось за громким молчаньем в ночи?
ты видишь, последний цветок был сорван,
и в память о счастье теперь мы молчим.

мы траур несем о еще не забытых чувствах,
ты держишь в бледных руках букет.
"давай мы в конце концов все отпустим?"
киваю. ты в руки берешь пистолет.

нас разводили. проблемы, города и люди,
мы расходились по нашей же вине.
казалось, мы не виновны же по сути,
но надо быть порой и почестней.

я уезжал, крича, что больше не вернусь,
твердя, что взгляд твой бессердечный

я видеть не хочу. ты отвечала «ну и пусть
я не боюсь об твой огонь обжечься!»

я как обветшалый дом – я ненадежен -
я убивал, но больше сам я убивался.
и может быть я в жизни прошлой
любить тебя навечно обязался.

мы распрощались на чертовом перроне,
и мой уход опять необратим.
ты невиновна в том, что снова тонем,
виновен я, что не могу тебя спасти.

нас разводили. города, семья, вокзалы,
нас разводили сами мы.
но пусть все в этом мир знают
нас ни за что не развести.

В твоих глазах не увидел я сладкого рая,
Не заметил я в них и намек на мечты.
Думал я, что они цвета теплого чая,
Оказалось, что они и не ярче звезды.

Ты смеешься, глумишься надо мною,

Ты не знаешь, что я сделать могу.
Разозлюсь и окрашу тебя я войною,
Или даже любовь к себе разожгу.

Я покрашу глаза твои акварелью,
Или своими глухими надеждами.
В твоих глазах, черт возьми, подземелье,
Они не могут быть безмятежными!

Я покрашу глаза твои в особенный цвет,
В цвет пробуждения солнечным утром.
В цвет, когда вот-вот наступит рассвет.
Но я знаю, что будет мне трудно.

Я так верил, что мир тебе показал,
Я не думал, что будет слишком рискованно.
Но я не знал, что отчаявшиеся глаза,
Невозможно зажечь будет снова.

Ты в застиранной черной рубашке,
Уничтожаешь границы дозволенного.
В твоих руках не завянут ромашки,
И блюда твои не пересолены.

Ты улыбаешься кротко и нежно,
И в глазах твоих искры горят.
Ты глядишь на меня безмятежно,
И хочу сохранить я твой взгляд.

Ты сидишь в ночной тишине
и мечтаешь о чем-то важном.
Думаешь о счастье ты при луне,
В своей застиранной черной рубашке.

я вас, поверьте на слово, забыла.
скажите, как вас зовут и сколько лет?
возможно, когда-то я хранила,
один ваш самый пламенный секрет?

напомните, когда мы встретились,
и что сказали вы тогда?
отметили ли мы трехлетие,
или настигла нас беда?

какие чувства и зачем,
питали вы тогда ко мне?
иль, будучи причиной дилемм,
забыла вас по вашей же вине?

уйдите же, уйдите навсегда -
я с трепетом не думаю о вас.
в моей душе нет более следа,
коль я забыла вас за час.

Был души твоей беззаботной верный друг
Укрывал тебя я в плохую погоду,
Сердце твое защищал от мороза и выюг
И печали твои погружал я в дремоту.

Я улыбку твою сохранил себе в памяти,
И сияла она ярче солнца июльским днем.
Но если б не был я так злопамятен,
То любил бы тебя я жарким огнем.

Но в душе моей холодное безразличие,
Отдавал тебе я тепло в январе.
Извини, но любви больше нет в наличии,
Приходи, пожалуйста, в сентябре.

На перепутье пора нам расстаться,
Нашу осень забудь, как глупый недуг.
Обещаю больше души твоей не касаться,

Хоть и в прошлом был ей верный друг.

Я оставлю на память о себе обрывки воспоминаний,
Положу их на самую дальнюю полку в твоей голове.
Я буду кричать тебе в трубку без всяких рыданий,
А с обещаниями, что буду гораздо живей.

А пока ты смотришь в мои глаза цвета чего-то там.
Я говорю, что отдам за тебя сорок лет своей жизни.
Не плачь за меня и еще по прочим там пустякам,
Толку плакать, если я умер, по скрипту: безжизнен.

Я отдам свою жизнь и не устану об этом писать.
Я умру счастливым, даже если умирать нужно завтра.
Я просто хочу тебя подольше здесь удержать,
Чтобы ты знала, что слова мои чистая правда.

Когда я остаюсь наедине со своими мыслями и закрываю
глаза,

Я вижу сотни зеркал, которые будто большие холсты.
И знаешь, я смотрю в них и совсем не вижу себя,
в этих зеркалах почему-то отражаешься ты.

Я не хочу говорить, что часто плачу ночами в подушку.

Увы,

Но без тебя моя жизнь, правда, похожа на фильм с плохим концом.

Позволь я позвоню тебе ночью и скажу, что цветы, подаренные мною,

были мертвы,

а надежды на счастье проткнули меня самым острым ножом?

Когда меня не станет, и многие не будут помнить, как меня звали,

Ты, прошу, никогда не рассказывай другим обо мне.

Чтобы эти другие никогда не узнали,

Как горели глаза твои, и что дорог я был лишь тебе.

Коснитесь вы своей рукою

Моей души, не более теплой.

Не беспокойтесь, вас не околдую тьмою,

Сгубить я вас могу и пострашней.

Я сквозь снега, метели и дожди пройду,

Я сердце утоплю свое в речной воде,

Но вас в кромешной тьме найду.

Я все леса сожгу, весь мир окутаю в

туман,

Чтобы найти ваш уголек души.

Не так уж вы глупы, чтобы попасть
в капкан,
Но если попадете, то сразу все решим.

Пускай века летят, пускай хоть мимо нас,
По-прежнему я буду тьму на всех пускать.
И буду вас всегда-всегда искать,
пока не пробил мой последний час.

я стою на краю обрыва или же смотрю вниз с моста,
осень уйдет с концами, жизнь ее подвела.
я забуду с последним листком, но черты твоего лица,
истощенный тобой однажды, сохраню себе навсегда.

и в толпе мрачных лиц ты теперь никем не замечен,
ты такой же, как все эти тысячи тысяч людей.
ты такой, как они, но стремлюсь сохранить этот вечер
и нежный запах, ныне прогнивших речей.

я стою на краю обрыва или же смотрю вниз с моста,
осень уйдет с концами – жизнь ее так подвела.
ты же, подруга-осень, не до конца изжита,
это меня, подруга, жизнь всего извела.

Напишу твой портрет на дешевом холсте,
Красками, что когда-то купил по скидке.
Сколько было и будет людских смертей,
Пропавших, разорванных по моей ошибке.

Не вини меня, если где-то я ошибусь,
Или лишнюю ресницу тебе припишу.
Я во сне обязательно присмотрюсь,
Коль не можем увидаться наяву.

Я твой образ оставлю в памяти,
Больше ни за что я его не вырежу.
Я бы воздвиг в твою честь памятник,
Как человеку, меня забывшему.

нет рая мне на земле, кроме твоих объятий,
прошу, подари мне лишь малое – чувства.
почему же из всех самых худших исчадий
лишь тебя называю я гордо искусством?

ты свой стан так легко обнажаешь,
расправила хрупкие плечи свои.

и так кротко меня обнимаешь.
но прошу – ты лишь душу свою обнажи.

и пусть я не стал самым лучшим,
но запомни, отныне я буду всегда
так внимательно тихо слушать
что ты пьяная и что любишь меня.

небо в сумраке над нами склонилось,
в заброшенной комнате – запах духов.
все, что имеем – сама ты добилась,
жми на курок у моих ты висков.

не умел я с тобой обращаться,
позабыл, что клялись в чувствах вечных.
мне всего-то минуло двадцать,
но уже позабыл про беспечность.

в бессмертном отчаянии о тебе не забуду,
и смерти в руки тебя не отдам.
можно с тобой навсегда я побуду?
я клянусь, никогда не предам.